

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО
АДАПТАЦИИ**

В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСПЕКТОРА ПРОФИЛАКТИКИ

Рузиев Самандар Норматжонович

Курсант 3-го курса Академии МВД Республики Узбекистан

г. Ташкент

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20546737>

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ зарубежных моделей виктимологического предупреждения имущественных преступлений — британской программы «Neighbourhood Watch», нидерландской концепции «Crime Prevention Through Environmental Design» (CPTED), японского института «Koban», сингапурской интегрированной системы профилактики и скандинавских партнёрских моделей. На основе этого анализа автор определяет принципы и конкретные механизмы, поддающиеся адаптации в деятельности инспектора профилактики органов внутренних дел Республики Узбекистан с учётом действующего законодательства и культурных особенностей узбекского общества. Делается вывод о том, что зарубежный опыт может быть имплементирован не путём прямого копирования, а через творческое переосмысление с опорой на институт махалли и традиции гражданской взаимопомощи.

Ключевые слова: виктимология, имущественные преступления, инспектор профилактики, зарубежный опыт, CPTED, Neighbourhood Watch, Koban, махалля, профилактика правонарушений, Узбекистан.

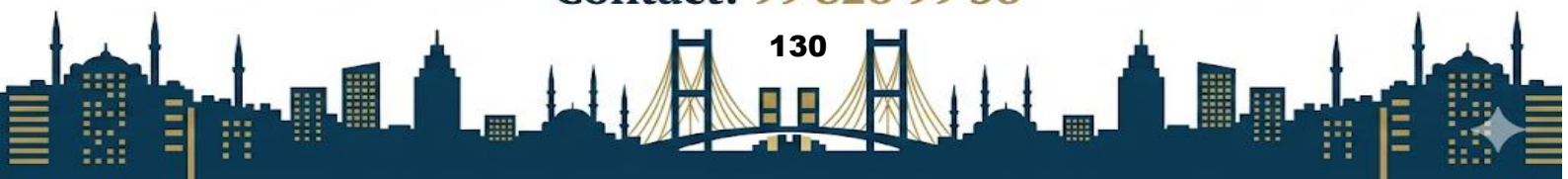

Проблема предупреждения имущественных преступлений — краж, мошенничества, грабежей, угонов транспортных средств — актуальна для правоохранительных систем всего мира. В условиях глобальной урбанизации и цифровизации криминальные схемы стремительно усложняются, тогда как классическое реактивное полицейское реагирование обнаруживает всё более очевидные пределы своей эффективности. Ответом на этот вызов стало развитие виктимологического подхода к профилактике — системы мер, направленных на снижение уязвимости потенциальных жертв, а не только на поимку уже состоявшихся преступников. Ведущие государства мира накопили значительный и разнообразный опыт виктимологического предупреждения имущественных преступлений, во многом опирающийся на вовлечение гражданского общества и переустройство пространственной среды. Изучение и критическая адаптация этого опыта представляется важнейшей задачей для совершенствования деятельности инспектора профилактики в Республике Узбекистан — тем более что Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы прямо ставит цель формирования безопасной и правовой среды, отвечающей лучшим мировым стандартам. Настоящая статья посвящена анализу ключевых зарубежных моделей виктимологической профилактики имущественных преступлений и оценке возможностей их адаптации к условиям Узбекистана. Программа «Neighbourhood Watch» (NW), или «Соседский дозор», зародилась в Великобритании в начале 1980-х годов и к настоящему времени превратилась в один из наиболее масштабных гражданских движений по профилактике преступности в мире: по данным организации Neighbourhood Watch Network, она охватывает свыше 2,5 миллиона домохозяйств. Принцип программы прост: жители определённого квартала или улицы объединяются в группу, назначают координатора и договариваются об оперативном оповещении соседей и полиции при появлении подозрительных лиц или

ситуаций. Криминологические исследования неизменно фиксируют, что районы с активными группами NW демонстрируют более низкие показатели квартирных краж и угонов автомобилей по сравнению с контрольными районами. Этот эффект объясняется не только повышением риска задержания для потенциального преступника, но и изменением социального климата: жители начинают воспринимать свой район как «своё» пространство, за которое они несут ответственность, что само по себе является мощным сдерживающим фактором. Применительно к Узбекистану ключевой вывод состоит в следующем: структуры, функционально аналогичные NW, здесь фактически уже существуют — в лице махалли с её традицией коллективного самоуправления и взаимного присмотра за соседями. Задача инспектора профилактики заключается не в создании новой параллельной структуры, а в том, чтобы наполнить уже существующую сеть махаллинских связей конкретным виктимологическим содержанием: предоставить жителям алгоритмы реагирования на подозрительные ситуации, создать единый канал оперативной связи с дежурной частью, обеспечить обратную связь по каждому сигналу. Правовую основу для этого создаёт статья 6 Закона Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений» от 14 мая 2014 года № ЗРУ-371, признающая органы самоуправления граждан субъектами профилактики. Концепция «Crime Prevention Through Environmental Design» (CPTED) — предупреждение преступности посредством проектирования среды — разработана в 1970-х годах американским криминологом Рэем Джеффри и получила наибольшее прикладное развитие в Нидерландах. Её суть состоит в том, что физическая организация пространства — застройка, освещение, озеленение, видеонаблюдение, разграничение публичных и частных зон — способна либо провоцировать преступное поведение, либо существенно ему препятствовать. В нидерландской практике CPTED реализуется через систему

сертификации жилья «Politiekeurmerk Veilig Wonen» (полицейский знак безопасного жилья), который присваивается объектам, отвечающим установленным стандартам физической защиты и пространственной организации. Наличие сертификата, как правило, снижает страховые взносы для жильцов и является маркетинговым преимуществом для застройщиков. Принципиально важно, что проверку соответствия стандартам осуществляют сертифицированные специалисты полиции в тесном взаимодействии с муниципальными органами. Для узбекской практики CPTED особенно актуален тезис о том, что инспектор профилактики должен воспринимать вверенную ему территорию не только как совокупность проживающих на ней людей, но и как физическую среду с присущими ей криминогенными или криминосдерживающими характеристиками. Совместный с представителями махалли «виктимологический аудит» квартала — выявление тёмных углов, заброшенных строений, незапертых подъездов, мёртвых зон видеонаблюдения — представляет собой прямое приложение идей CPTED к местным условиям. Постановление Президента Республики Узбекистан от 27 октября 2021 года № ПП-5283 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы «Безопасный город»» создаёт правовую и технологическую базу для интеграции видеонаблюдения в профилактическую деятельность органов внутренних дел. Японская система «Koban» (小番, букв. «небольшой пост») представляет собой разветвлённую сеть небольших полицейских участков, расположенных непосредственно в жилых кварталах и районах. Офицер Koban — «кобанши» — не просто реагирует на вызовы, но и ведёт систематическое патрулирование закреплённой территории пешком, лично знает жителей, их повседневный уклад и типичные маршруты. Именно это знание позволяет ему незамедлительно замечать любые отклонения — незнакомца, слоняющегося у жилых домов, или внезапно изменившееся поведение соседей.

Виктимологический аспект системы Koban состоит в регулярном проведении так называемых «жилищных посещений» (jumin sodan): кобанши наносит плановые визиты к жителям, во время которых не только регистрирует актуальные сведения о составе домохозяйства, но и проводит ненавязчивую проверку состояния дверных замков, оконных задвижек, наличия контактных данных соседей. Жертв мошенничества — как правило, пожилых и одиноких людей — выявляют именно в ходе таких визитов, причём нередко ещё до того, как преступление было совершено. Опыт Koban особенно релевантен для Узбекистана по нескольким причинам. Во-первых, сама логика «полицейского как члена местного сообщества» органично вписывается в культурный уклад узбекского общества, в котором принадлежность к конкретному кварталу и личное знакомство с соседями являются базовыми социальными ценностями. Во-вторых, практика домашних посещений инспектором профилактики — хотя и в менее систематизированном виде — уже существует в узбекской полицейской практике. Закон Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел» от 16 сентября 2016 года № ЗРУ-407 наделяет инспектора полномочиями на проведение профилактических бесед по месту жительства граждан. Задача состоит в том, чтобы придать этой работе системность и виктимологическую целенаправленность по образцу японской модели. Сингапур по праву считается мировым лидером в области профилактики имущественных преступлений: уровень квартирных краж здесь является одним из самых низких в мире — около 2 случаев на 100 000 населения. Этот результат достигнут за счёт интегрированной трёхуровневой модели, сочетающей физическую защиту жилья (надёжные замки, решётки, охрана жилых комплексов), общественный контроль (активные комитеты жильцов, системы оповещения в мессенджерах) и полицейский мониторинг (система видеонаблюдения, «умные» датчики, аналитика больших данных). Ключевым элементом сингапурской системы

является институт «Police Neighbourhood Liaison Officer» (NLO) — офицера по связи с районом, который функционально близок к узбекскому инспектору профилактики. Однако в отличие от последнего NLO располагает мощным технологическим инструментарием: приложением для мгновенного обмена информацией с жителями, доступом к аналитической платформе, агрегирующей данные о криминальной активности в реальном времени, и правом напрямую инициировать установку дополнительного видеонаблюдения в выявленных криминогенных локациях. Для Узбекистана сингапурский опыт указывает на два практических приоритета. Первый — необходимость создания специализированного программного приложения для инспектора профилактики, интегрирующего карту участка, базу данных поднадзорных лиц и канал оперативной связи с жителями. Второй — активное использование уже функционирующей системы «Безопасный город» не только в реактивном режиме (фиксация совершённого преступления), но и в режиме проактивного виктимологического анализа (выявление зон повышенного риска по данным видеоаналитики). Правовую основу для этого создаёт Указ Президента Республики Узбекистан от 21 февраля 2024 года № УП-37 «О Государственной программе по реализации Стратегии «Узбекистан-2030» в «Год поддержки молодёжи и бизнеса»», предусматривающий масштабную цифровизацию системы правопорядка. Скандинавские страны — прежде всего Швеция, Норвегия и Финляндия — внесли значительный вклад в развитие виктимологии не только как науки, но и как правоприменительной практики. Именно здесь получила развитие концепция «ресторативного правосудия» (restorative justice), акцентирующая внимание не только на наказании виновного, но и на восстановлении нарушенных прав жертвы, её психологической реабилитации и возмещении ущерба. В плане предупреждения имущественных преступлений скандинавский опыт ценен прежде всего развитой системой поддержки жертв

Contact: 99 826 99 56

(Victim Support Services), функционирующей при активном участии НКО и добровольцев. Жертва кражи или мошенничества немедленно получает не только юридическую консультацию, но и психологическую помощь, практическое содействие в замене замков и восстановлении документов, а также — что принципиально важно с виктимологической точки зрения — индивидуальный «план снижения рецидивной виктимизации», разработанный совместно с полицейским офицером. Понятие «рецидивной виктимизации» (repeat victimization) — когда одна и та же жертва вновь становится объектом преступного посягательства — является ключевым в скандинавской профилактической доктрине. Исследования неизменно подтверждают: вероятность повторной кражи в течение нескольких недель после первой в разы превышает среднестатистический показатель. Это означает, что инспектор профилактики, получив сигнал о совершённой краже, должен немедленно включать пострадавшее домохозяйство в режим повышенного внимания, а не ограничиваться передачей материалов следствию. Закон Республики Узбекистан «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 2 мая 2006 года № ЗРУ-33 закрепляет обязанность государства обеспечивать безопасность жертв преступлений, что создаёт правовую основу для имплементации скандинавского опыта работы с повторной виктимизацией. Анализ рассмотренных зарубежных моделей позволяет выделить ряд универсальных принципов, применимых вне зависимости от национального контекста и поддающихся адаптации в деятельности инспектора профилактики Республики Узбекистан.

Принцип проактивности. Все успешные зарубежные модели объединяет отказ от исключительно реактивной логики «преступление — реагирование» в пользу систематической работы по снижению виктимности

ещё до факта посягательства. Инспектор профилактики должен воспринимать свой участок как живой организм с постоянно меняющимися зонами риска, а не как статичный объект наблюдения.

Принцип партнёрства. Ни одна из рассмотренных моделей не предполагает монополии полиции на профилактику. Во всех случаях ключевую роль играют общественные структуры — соседские группы, НКО, волонтёры. В Узбекистане этот принцип воплощается прежде всего через институт махалли, легитимность и авторитет которой закреплены Законом «Об органах самоуправления граждан» и многовековой культурной традицией.

Принцип средового проектирования. CPTED напоминает о том, что профилактика начинается с физического пространства. Инспектор профилактики должен активно участвовать в планировании и благоустройстве территории участка, инициируя устранение криминогенных условий через взаимодействие с местными хокимиятами.

Принцип виктимологического сопровождения. Скандинавский опыт учит, что работа с жертвой не заканчивается в момент передачи дела следователю. Инспектор обязан организовать мониторинг ситуации вокруг пострадавшего домохозяйства — особенно в первые недели после преступления — и при необходимости содействовать в привлечении социальной и психологической помощи.

Принцип технологической поддержки. Сингапурский опыт демонстрирует, что даже при ограниченных кадровых ресурсах правильно выстроенная цифровая инфраструктура способна многократно усилить эффективность профилактической работы. Развитие системы «Безопасный город» создаёт объективные предпосылки для технологического усиления деятельности инспектора профилактики в Узбекистане.

Вместе с тем необходимо честно обозначить ограничения, с которыми

столкнётся любая попытка прямого переноса зарубежного опыта. Во-первых, все рассмотренные модели разрабатывались и отлаживались в условиях значительно более высокого уровня доверия граждан к полиции, чем тот, что исторически сложился на постсоветском пространстве. Без последовательного укрепления этого доверия — а это долгосрочная работа, а не разовая кампания — партнёрские модели профилактики не дадут ожидаемого результата. Во-вторых, скандинавские и британские программы финансируются из значительно более ёмких муниципальных и государственных бюджетов. Это требует реалистичного подхода к масштабированию: начинать следует с пилотных районов, отработывая организационные механизмы, и лишь затем тиражировать успешный опыт. В-третьих, принципиально важно избегать механического копирования: японская система Koban работает в контексте японской культурной матрицы, сингапурская — в условиях очень специфической авторитарно-эффективной государственной модели. Для Узбекистана органичной точкой опоры является не зарубежный прецедент, а собственная традиция махаллинской взаимопомощи, наполняемая новым профилактическим содержанием. Проведённый сравнительный анализ зарубежных моделей виктимологического предупреждения имущественных преступлений позволяет сформулировать следующие выводы. Мировой опыт убедительно демонстрирует, что наиболее эффективным инструментом виктимологической профилактики является не усиление полицейского присутствия само по себе, а выстраивание системы партнёрства между полицией и местным сообществом, опирающейся на принципы средового проектирования, проактивного мониторинга и сопровождения жертв. Именно эти принципы должны лечь в основу совершенствования деятельности инспектора профилактики Республики Узбекистан. Потенциал адаптации зарубежного опыта в Узбекистане высок — прежде всего потому, что страна

располагает уникальным ресурсом в виде института махалли, функционально близкого британскому «Neighbourhood Watch», но значительно более глубоко укоренённого в культурной ткани общества. Задача инспектора профилактики состоит в том, чтобы наполнить эту традиционную структуру конкретным виктимологическим содержанием, используя лучшие зарубежные практики как источник методического вдохновения, а не как готовый шаблон для копирования. Реализация этого потенциала требует совершенствования нормативной базы, технологической поддержки деятельности инспектора профилактики и — что принципиально важно — систематической работы по укреплению взаимного доверия между полицией и гражданами. Именно это доверие является тем фундаментом, без которого ни один зарубежный опыт не сможет принести плодов на узбекской почве.

REFERENCES

1. Конституция Республики Узбекистан (новая редакция, 2023 год). // <https://lex.uz/docs/6445063>
2. Закон Республики Узбекистан от 14 мая 2014 года № ЗРУ-371 «О профилактике правонарушений» (в редакции на 2025 год). // <https://www.lex.uz/acts/2387359>
3. Закон Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 года № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел». // <https://lex.uz/docs/3106208>
4. Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 1993 года № 908-XII «Об органах самоуправления граждан» (в редакции на 2025 год). // <https://lex.uz/docs/112527>
5. Закон Республики Узбекистан от 2 мая 2006 года № ЗРУ-33 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». // <https://lex.uz/docs/940716>

Contact: 99 826 99 56

6. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года № УП-60 «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы». // <https://lex.uz/docs/5841063>
7. Указ Президента Республики Узбекистан от 27 октября 2021 года № ПП-5283 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы «Безопасный город»». // <https://lex.uz/docs/5619396>
8. Указ Президента Республики Узбекистан от 21 февраля 2024 года № УП-37 «О Государственной программе по реализации Стратегии «Узбекистан-2030» в «Год поддержки молодёжи и бизнеса»». // <https://lex.uz/ru/docs/6811938>
9. Указ Президента Республики Узбекистан от 10 апреля 2017 года № УП-5005 «О мерах по кардинальному улучшению системы органов внутренних дел». // <https://lex.uz/docs/3187673>
10. Латипов Б.И. Ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ва фуқаролик жамияти институтларининг ўзаро ҳамкорлигини такомиллаштириш. ю.ф.б.ф.д. (PhD) диссертацияси. – Ташкент, 2019.
11. Бабаханов Ҳ.Қ., Ихволиддинов Ф.Х. Профилактика инспекторининг ижтимоий реабилитация марказлари билан ҳамкорлигини такомиллаштириш: янги ёндашувлар ва амалий чора-тадбирлар // CAJMRMS. 2025. №3.
12. Аманов А.А. Ҳуқуқбузарликларнинг олдини олишда ички ишлар органлари ҳуқуқбузарликлар профилактикаси хизматларининг оммавий ахборот воситалари билан ҳамкорлиги // CAJAR. 2025. №10-2.
13. Шаумаров З. Особенности подотчётности в деятельности службы профилактики правонарушений органов внутренних дел // Общество и инновации. 2026. Том 7. №1. С. 341–349.

14. Jeffery C.R. Crime Prevention Through Environmental Design. – Beverly Hills: Sage Publications, 1971.
15. Neighbourhood Watch Network. Annual Report 2023: Community Crime Prevention in England and Wales. – London, 2024.
16. National Police Agency of Japan. The Police of Japan 2024. – Tokyo: National Police Agency, 2024.
17. Pease K. Repeat Victimization: Taking Stock. – London: Home Office Police Research Group, 1998. (Crime Detection and Prevention Series, Paper 90.)
18. UNODC. Crime Prevention Assessment Tool. – Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2023.
19. Farrell G., Pease K. Repeat Victimization // Crime and Justice: A Review of Research. Vol. 20. – Chicago: University of Chicago Press, 2017.

